

стративных властей, к началу XX века прошел значительный промежуток времени, в течение которого изменились многие аспекты социальной, экономической и политической жизни в Российской империи и в Сибири в частности. Ввиду вышеуказанного замечания, отдельные нормы законодательства, регулирующего механизм функционирования гласного полицейского надзора за политическими ссылными, нуждались в своевременной корректировке и доработке.

Список литературы и источников

1. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Том. III. 1870–1900 гг. / М.Н. Гернет. М., 1948. 376 с.
2. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX века / А.А. Иванов. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2001. 276 с.
3. Марголис А.Д. Законодательство об административной политической ссылке в России в конце XIX века / А.Д. Марголис // Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1983. С. 50–61.
4. ПСЗ. Собр. 3. Т. I. № 350.
5. ПСЗ. Собр. 3. Т. II. № 730.
6. Токарева С.Н. Полицейский надзор в Российской империи / С.Н. Токарева // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 94–104.

УДК 342

И.В. Упоров

Особенности ссылки как вида уголовного наказания в Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв.

Аннотация. В статье дается характеристика института сибирской ссылки в относительно короткий период (1797–1806 гг.) с точки зрения правового регулирования и исполнения этого вида уголовного наказания. Отмечается, что с целью реализации колонизационной политики государство использовало принудительный труд ссылных преступников (наряду с другими группами переселенцев). Соответствующие организационно-правовые вопросы определялись в указах 1797, 1799, 1806 гг. Автор осуществляет их анализ, выявляет причины неудовлетворительного

выполнения, делает вывод о том, что государство в силу своей территориально-государственной специфики было вынужденно эксплуатировать ссылных преступников, что однако не оправдывает негодных условий их жизни и труда. Указывается, что в современной России также целесообразно использовать осужденных к лишению свободы для развития сибирской экономики, учитывая безработицу в исправительных колониях.

Ключевые слова: Сибирь, ссылка, каторжные работы, указ, преступление, поселение, колонизация, крестьяне, преступники.

I.V. Uporov

Features links as a form of criminal punishment in the Russian Empire at the turn of XVIII–XIX centuries

Abstract. The article describes the Institute of Siberian exile in a relatively short period (1797–1806 gg.) In terms of legal regulation and execution of this form of criminal punishment. It is noted that in order to implement the state policy of colonization has used forced labor exiled criminals (along with other displaced groups). Appropriate organizational and legal issues defined in the decrees of 1797, 1799, 1806. The author carries out their analysis reveals the causes of unsatisfactory performance, concludes that the State by virtue of its territorial specifics of state was forced to operate the exiled criminals, which, however, does not justify the wretched conditions of life and work. It is stated that in today's Russia is also advisable to use convicts for the development of the Siberian economy, with unemployment in penal colonies.

Keywords: Siberia, link, hard labor, an edict crime, settlement, colonization, peasants and criminals.

Ссылка как вид уголовного наказания на системном правовом уровне стала регулироваться начиная с Соборного уложения 1649 г. Первоначально ссылка понималась в буквальном смысле – сослать (удалить) подальше от центра, и применялась в отношении лиц, попавших в царскую опалу, то есть имела политический характер (этот признак сохранится на всем последующем функционировании этого вида наказания, включая известную ссылку академика Сахарова в СССР в первой

половине 1980-х гг.). Довольно быстро политическая составляющая была дополнена экономической, когда ссылные стали использоваться для закрепления колонизационного движения российской государственности на востоке, и уже тогда Сибирь стала определяться как основной ссылный регион. Так, П.Н. Буцинский указывал на то, что уже в первой половине XVII в. в Сибирь были направлены не менее полутора тысяч ссылных [1, с. 37]. Кроме того, с начала XVIII в. ссылка, понимаемая до этого как удаление ссылных на вольное житье (поселение) в месте ссылки (государева служба, труд на посадке или пашне), была дополнена важной разновидностью – ссылкой на каторгу, то есть удаление ссылного сопровождалось принуждением его к труду (как правило, физически тяжелому) в пользу государства, и этот вид ссылки, как известно, активно использовался Петром I, в том числе при строительстве Петербурга (уже тогда создавались, по сути, основы будущего ГУЛАГа).

В послепетровскую эпоху экономическая эксплуатация каторжан была несколько снижена пропорционально уменьшению лично-государственной и деловой энергии последующих монархов. Вместе с тем институт ссылки получил определенное развитие с юридической точки зрения. В этом контексте представляет интерес ряд актов, изданных на рубеже XVIII–XIX вв., учитывая, что с их изданием были сформированы правовые предпосылки развития ссылки до конца империи. Прежде всего отметим, что к тому времени ссылные преступники поступали в распоряжение казенного управления (Берг-коллегии), и трудоспособные из них назначались на строительные работы, на заводы или определялись в хлебопашество, а неспособные к работам содержались в местных тюрьмах или приселялись к деревням. Кроме того, в Сибирь направлялись крепостные крестьяне, сосланные помещиками на основе известных Указов 1760 г. [2] и 1765 г. [3] Как отмечал Н.Г. Фельдштейн, касаясь ссылки как наказания, правительству «в изобилии нужны были рабочие руки, и подневольный труд поглощал собою другие составные части этого наказания» [4, с. 131–132]. В 1795 г. генерал-адъютант Князев в письме к генерал-прокурору писал, что «ссылочные невольники для работы везде нужны, где только крепости инженерного ведомства по границам находятся, наипаче же потому, что во многих местах вольнонаемных

людей ни за какие деньги отыскать невозможно» [5, с. 435], и это при том, что условия каторги, писал А.Д. Дриль, «были поистине ужасными» [6, с. 12].

Такому фактическому положению дел не соответствовала степень правового регулирования условий назначения различных видов ссылки в зависимости об общественной опасности совершенных преступлений. Очевидно, этим обстоятельством объясняется появление Указа 1797 г. [7], согласно которому законодатель определил следующие критерии: обвиненных в убийстве, «пристанодержателей», а также возмутителей народа и «произносителей дерзких слов» против императора следовало «отсылать в Нерчинск в работу»; обвиненных в преступлениях «других родов», приговариваемых на поселение, следовало направлять в Иркутск на работы на суконной фабрике; осужденные к телесным наказаниям и без такового за долги и другие преступления должны были направляться в «крепостные строения», то есть на работы в крепостях. Как видно, наиболее суровой являлась ссылка в каторжные работы (Нерчинская каторга) на рудниках. Следует заметить в этой связи, что в 1799 г. был сокращен перечень преступных деяний, за которые могло быть назначено наказание в виде ссылки в каторжные работы – к числу таковых были отнесены лишь убийства, квалифицированные виды кражи и грабежи [8, с. 271]. Впрочем, как отмечает С.В. Кюдан, российская ссылка длительное время (по сути два столетия) определялась множеством указов по отдельным вопросам [9, с. 24], и поэтому перечень деяний, за которые могла быть назначена ссылка в каторжные работы, изменялся, а систематизация соответствующих уголовно-правовых норм будет осуществлена позже – сначала в Своде законов уголовных (том XV Свода законов Российской империи 1832 г.), а затем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Между тем указанный законодательный акт 1797 г. не прояснял вопросов, связанных с карательной составляющей иных видов ссылки. Отчасти ряд пробелов был восполнен в Указе от 17 октября 1799 г. [10], где высказывалась озабоченность тем, что российского населения у границ с Китаем «так мало», что государство не может получить ту пользу, которая могла быть получена от этого края, «одаренного от природы как плодородным кряжем земли, так и благорастворенным климатом». Засе-

лять эти земли (между Байкалом, Верхней Ангарой и Нерчинском) предписывалось, среди прочего, и посредством ссыльной политики, включая предоставление ссыльным некоторых льгот. В частности, указывалось, что преступников, приговоренных не к каторжным работам, «а просто к ссылке», следовало посылать в приграничные с Китаем места на поселения, именуя их не «государственными поселениями», а «ссылочными поселениями». При этом ссыльным должен был предоставляться «способ к улучшению их состояния», а именно тем, что ссыльный, который проживет в ссылке «порядочно» 10 лет и при этом отличится прилежанием к хлебопашеству и докажет это успехами в домоводстве, что должен подтвердить Земский Начальник, «из ссылочного поселянина делается государственным поселянином».

Однако исполнение этого закона отличалось крайней неорганизованностью, непродуманностью. Да и ряд требований Указа был явно невыполним, в частности, это касалось предписания отводить для ссыльных на каждую душу по 30 десятин земли в местах самых плодородных, построить для первых двух тысяч поселян дома за счет казны, приготовить для них земледельческие и прочие орудия, снабдить потребным скотом и семенами для посева и в течение первых десяти лет освободить от всяких податей. А если учесть, что, начиная с 1800 г., туда планировалось направить не менее десяти тысяч человек («не определяя точно, в какое число лет произвести такое поселение»), то становится ясным, что в крае, где отсутствовала развитая инфраструктура, а уровень управления всеми процессами был на низком уровне (ввиду дефицита опытных чиновников), указанное и другие намерения, как писал И.Я. Фойницкий, оставались «благими намерениями» [11, с. 276]. Этот же автор писал о том, что «оказавшиеся значительно более дорогими съестные припасы и недостаток таковых, серьезные лишения, которым подвергались ссыльные на пути к месту поселения, приводили к массовым заболеваниям, что в итоге не позволило осуществить этот проект» [11, с. 277].

Именно такую картину обнаружил действительный статский советник Н.О. Лаба, отправленный наблюдать за тем, как губернаторы исполняют Указ. В.И. Вагин в этой связи писал: «Лаба встретил крайние затруднения в исполнении своего поручения

вследствие величайшей запутанности в сведениях о поселенцах ... Донесения его подтвердили прежние известия о небрежном препровождении поселенцев, которые терпели недостаток в продовольствии; кроме того, они были чрезвычайно перемешаны; препровождали их частью воинские команды, частью сами обыватели; с беременными женщинами, с больными поступали чрезвычайно небрежно; их тащили с партиями; больные преждевременно умирали; женщины рожали на телегах; всякие изнурения были чрезмерны; беспорядок был так велик, что потерялся счет и в людях, и в деньгах» [12, с. 222–223].

Не удивительно, что в 1806 г. был принят новый Указ, регулирующий организацию ссылки в Сибири [13]. Здесь признавалась, что ввиду ненадлежащего исполнения Указа 1799 г. данное «предприятие о населении Сибири» превратилось «вместо чаемой от него пользы в сущую пагубу посылаемых туда людей». С целью «отвращения зла сего» предписывалось принять ряд мер. Так, все вопросы «по предмету водворения в Сибирь поселенцев» передавались в Министерство внутренних дел; обратим внимание, что исполнением уголовных наказаний, в том числе ссылки, к тому времени также ведало Министерство внутренних дел, однако при этом само исполнение наказаний по-прежнему возлагалось на губернское начальство под наблюдением Сибирского Генерал-Губернатора и под общим руководством и контролем МВД. В качестве районов колонизации Указ определял Забайкалье, часть Иркутской губернии (Нижегородский уезд) и те части Тобольской и Томской губерний, в которых уже осели лица, предназначенные указом 1799 г. к поселению в Забайкалье.

Далее, Указом было «остановлено» направление в ссылку помещичьих людей (в вводной части Указа сообщалось, что именно эта категория ссыльных была отягощена более всего «изнурениями разных родов» – по отправке в Сибирь помещики не снабжали их ни достаточным пропитанием, ни одеждой, и на месте, прибыв туда с семьями, эти ссыльные, влача нищенское существование, получали самые плохие земли, и в итоге воспроизводство домохозяйства в большинстве случаев было невозможно). Соответственно в Указе определялось, что ссылка как наказание может быть назначаема только преступникам, причем оговаривалось, что нужно прекратить практику, когда

в ссылку направляются преступники за «воровскую кражу на малую сумму или только по сомнению», а также преступники из числа дряхлых и престарелых, неспособных к работам на поселении.

Ссылных, дошедших до Пермской, Казанской, Вятской, Тобольской губерний, следовало останавливать, «употребляя их в тамошних селениях в работы», до тех пор, пока в Иркутской губернии не будут приготовлены надлежащие условия. Для приготовления этих условий, в том числе для покупки скота для ссылных и вообще для «исправления всего», предписывалось необходимое количество денег ассигновать Государственному казначею. В Указе 1806 г., так же, как и в Указе 1799 г., предписывались, во многом повторяясь, конкретные меры по реализации плана заселения Сибири, но с более подробным их описанием. В частности, указывалось, что ссылные-преступники должны были определяться на поселения таким образом, чтобы между ними и границей с Китаем были селения с поселенцами из числа непроступников. Нельзя было также в одних селениях размещать ссылных преступников и переселенцев всех иных категорий. Для поддержания порядка среди ссылных преступников по усмотрению губернатора в местах их проживания в помощь смотрителям могли быть размещаемы воинские команды или казаки.

Но и этот Указ не выполнялся должным образом. Если при-совокупить к этому организационно-правовые проблемы с исполнением в Сибири ссылки в каторжные работы [14], то станет понятной объективная потребность в систематическом юридическом регулировании и более совершенном управлении вопросов ссылки как уголовного наказания. Выполнение этой миссии волею судьбы было возложено на М.М. Сперанского и его соратников, которые в рамках Первого Сибирского комитета разработали десять законов об управлении Сибирью, составивших «Сибирское учреждение», среди которых следует выделить Устав о ссылных 1822 г. – этот фундаментальный акт, обобщив опыт государственных органов предшествующего времени, привел в достаточно стройную систему институт ссылки, и действовал, с определенными изменениями, до 1917 г.

Тем не менее и эти законы выполнялись далеко не в полной мере. Так, за период 1800–1819 гг. в Нижнеудинском округе, за

Байкалом и вокруг него было заселено только порядка восьми тысяч человек [15, с. 56]. По утверждению Н.Г. Фельдштейна, в XVIII и начале XIX вв. имело место «полное крушение отдельных колонизационных попыток» [4, с. 138]. Нам представляется, что такая оценка все же излишне категорична, поскольку при всех недостатках и просчетах, с большим скрипом, но ссылка исполнялась, и государство реально имело от этого определенные результаты.

В полной мере осуществить планы колонизации Сибири государство не смогло в силу разных причин, в том числе, на наш взгляд, ввиду того, что новые сибирские земли были присоединены к России сравнительно недавно. Государство в значительной степени стало «заложником» присоединения огромных территорий, когда, с одной стороны, существовала крайняя необходимость в заселении окраинных земель, развитии в них промышленности и сельского хозяйства, укрепления границ; а с другой стороны – нехватка государственных «мощностей» и населения (рабочей силы), готового добровольно осесть в тех краях для реализации этих проектов. Очевидно, что здесь речь шла уже о стратегических государственных интересах. Поступить своей государственной территорией Россия не могла, что было связано, во-первых, с установившейся мировой практикой, в соответствии с которой каждое государство стремится расширить свои границы, что представляет собой объективный государственно-исторический процесс, и, во-вторых, с теми потенциальными природными богатствами, разработка которых сулила несомненные экономические выгоды. Исходя из этого, можно, пожалуй, говорить о вынужденности государства использовать отправку в отдаленные районы и труд ссылных преступников ради высших государственных интересов. Хотя, разумеется, данное обстоятельство ни в коей мере не оправдывает тех плохих условий, в которых ссылным приходилось отбывать наказание.

А если обратиться к дню сегодняшнему, то, на наш взгляд, в описанных указах есть рациональный опыт, который вполне может быть полезен в настоящее время. Так, М.К. Любавский еще в 1909 г. указывал на неравномерность заселения территории России, в том числе применительно к рубежу XVIII–XIX вв., и необходимости его выравнивания в контексте колониза-

ционной политики [16, с. 270–271]. Как нам представляется, с учетом продолжающегося процесса оттока населения из Сибири, было бы полезно использовать осужденных, содержащихся в Европейской России, для работ в Сибири, и прежде всего в сельском хозяйстве, учитывая, что более половины осужденных в местах лишения свободы (а это почти 300 тысяч человек) не вовлечено в общественно полезный оплачиваемый труд. Вероятно, это нужно делать с согласия самих осужденных. Конечно, эта мера может быть только частью общего плана по демографическому развитию российской Сибири. Но решения и действия в этом направлении со стороны российского государства должны быть значительно более энергичные, чем наблюдаются в настоящее время.

Список литературы и источников

1. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков, 1889.
2. Указ от 13. 12. 1760 г. «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут» // Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5. С. 497.
3. Указ от 08.01.1765 г. «О праве помещиков отдавать неугодных им крестьян в каторжную работу» // Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5. С. 500.
4. Фельдштейн Н.Г. Ссылка. М., 1893.
5. Цит. по: Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891.
6. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899. С. 12.
7. Указ от 13.09. 1797 г. «О распределении уголовных и других преступлений по важности их в каторжную работу на поселение и в крепостные работы» // ПСЗ-1. № 18140.
8. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. СПб., 1865.
9. Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1980.
10. Указ от 17.10.1799 г. «О населении Сибирского края, прилежащего к границам Китайским, отставными солдатами, преступниками, подлежащими к ссылке и отдаваемыми от помещиков крепостными людьми с зачетом в рекруты, и о выгодах для сих поселенцев» // ПСЗ-1. № 19157.
11. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 276.
12. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. В 2 т. Т. 1. С. 222–223.
13. Указ от 29.06.1806 г. «О производстве поселения за Байкалом и о принятии для водворения поселенцев, уступленных Хоринскими Бурятами земель» // ПСЗ-1. № 22189.
14. Степанова Н.Г. Правовое регулирование Сибирской каторги в первой половине XIX века // Сибирская ссылка. Сб. научн. ст. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. Вып. 5 (17). С. 240–251.

15. Кожухов Ю.В. Крестьянская колонизация Восточной Сибири и переселенческая политика царизма в первой половине XIX в. // Научные доклады высшей школы. Серия исторических наук. М.: Высшая школа, 1958. № 3. С. 56.

16. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

УДК 9(571.1/.5) «19»

М.В. Шиловский

**Обсуждение вопроса
о правовом положении политических заключенных
Нерчинской каторги во властных структурах в 1907–1914 гг.**

Аннотация: Анализируются такие факторы обострения ситуации с политическими заключенными в тюрьмах Нерчинской каторги в 1907–1912 гг., как обращение к ним на «ты», а не на «вы»; формы приветствия их и использование команд «Встать! Смирно!». Их применение тюремная администрация оговаривала ссылками на военные уставы, поскольку каторжные работы исторически представляли разновидность военных практик. Противостояние усиливалось благодаря наличию в среде политических внепартийных объединений («коллективов»).

Ключевые слова: Нерчинская каторга, Главное Тюремное управление, политические заключенные, протестные акции, «коллектив», голодовка.

M.V. Shilovsky

**Discussion of a question of a legal status of political prisoners of the
Nerchinsk penal servitude in power structures in 1907–1914**

Summary: Such factors of an aggravation of a situation with political prisoners in prisons of the Nerchinsk penal servitude in 1907–1912 as the address to them on «you», but not on «you» are analyzed; their and their application the prison administration stipulated greeting forms references to military charters as a hard labor historically represented a kind of military the practician.